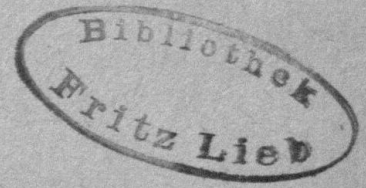


Л 150 116



Христіанская

МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.



Liev 7 211

ЯНВАРЬ 1917.

КІЕВЪ.

№ 52,240

Каталог

Памяти Владиміра Александровича Кожевникова.

Вотъ и ушелъ изъ жизни такъ ее любившій и умѣвшій радоваться ею. Ибо былъ онъ по истинѣ жизнерадостенъ, какъ на праздничный пиръ былъ онъ званъ на жизненный путь свой: духовныя яства предстояли его утонченному и воспитанному вкусу. Роза познанія и мысли, лилія вѣры и быліе долины склонялись надъ нимъ ласково и дружественно. Наука, искусство, религія, природа, семья и дружба—эти радости жизни дарили его своею ласкою. И въ этомъ русскомъ до послѣдней капли крови, въ этомъ купцѣ по происхожденію было нѣчто отъ утонченнаго александрійства или эллинизма, съ какою-то прирожденной гармоніей эпикурейства, самаго утонченнаго и благороднаго. Таково, на мой взглядъ, было его самое основное ощущеніе жизни: какъ предлагающей себя красоты и радости. „Красота-а-а“...—это было самымъ обычнымъ, изъ глубины его существа исходившимъ у него восклицаніемъ. И благодаря неимовѣрной поглащательной способности, благодаря тому, что онъ чувствовалъ себя дома, по крайней мѣрѣ, въ доброй полдюжинѣ наукъ, въ разныхъ искусствахъ, въ религіи и философіи, это радостное чувство жизни переливалось и множилось, какъ въ граняхъ хрустала лучи, и давало такую полноту жизнерадованія, которое столь необычно въ наше хмурое и бѣдное время. При всей строгости и серьезности его религіозности, при всей глубинѣ смиренія и покаянности, онъ былъ свободенъ и отъ мучительной раздвоенности, и отъ трагическаго надлома. Онъ былъ эстетъ, и притомъ не трагическаго, ницшеанскаго, но эпикурейскаго, александрійскаго покроя,—православный эстетъ, ибо былъ онъ въ значительной степени эстетомъ-же и въ православіи. Онъ, какъ немногіе, умѣлъ понимать, цѣнить и чтить обрядъ и все къ нему относящееся храмовое, культовое. Кромѣ огромной личной къ тому предрасположенности здѣсь сыграло извѣстную роль и влияніе Н. Ѡ. Федорова, который былъ однимъ изъ самыхъ вдохновенныхъ и глубокихъ созерцателей и истолкователей церковнаго обряда въ наши дни. Но Вл. А., какъ и Федоровъ, зрѣлъ обрядъ религіозно-эстетически, самъ не обжигаясь его огнемъ и не опаяясь его мистическимъ пламенемъ: истовость,—этотъ русскій переводъ греческаго *Μέτρον*—мѣры,—а отнюдь не религіозная страстность была здѣсь его стихіей. И какъ-то безъ труда и безъ всякаго надрыва, иногда какъ бы конфузаясь и робѣя передъ строгимъ аввой, онъ це-

реходилъ къ восторженному, тонкому, умному разцѣниванію (я готовъ почти сказать: смакованію) какого-нибудь явленія природы, искусства, научной идеи, историческаго событія, почерпая это изъ своей прямо безбрежной сокровищницы опыта и знаній, которая накопилась у него втеченіе жизни, почти всецѣло отданной радости познаванія. Неслучайно—въ этомъ, конечно, сказывается и сила и слабость—онъ почти всю жизнь свою сторонился общественной дѣятельности даже тогда, когда все въ Россіи было захвачено ею, а если и уступалъ ей послѣдніе годы жизни, то обычно не по собственной, а по чужой инициативѣ, подчиняясь дружескому нажиму. Ибо что могла дать общественная дѣятельность, да еще русская, для этого созерцательнаго эстета? Неслучайно, что онъ такъ непропорціо-нально мало выявилъ себя и въ литературѣ (какъ бы ни было значительно само по себѣ имъ написанное): онъ писалъ и работалъ *для себя*, удовлетворяя своей любознательности. И оставаясь почти чуждъ соблазну суетнаго честолюбія, онъ въ то-же время, очевидно, не имѣлъ и такого понудительнаго творческаго импульса, который *велитъ* отдавать, износить, рождать: онъ больше вдыхалъ, чѣмъ выдыхалъ. Здѣсь много значила, конечно, прирожденная совѣстливость ума, которая умѣла парализовать самые мощные его взлеты. Эта конфуз-ливость сама по себѣ составляла одно изъ цѣнныхъ личныхъ свойствъ, но и черезъ это свойство заставляеть перешагнуть творческой порывъ въ своемъ напряженіи. Но этому-то и противилось эстетически-эпи-курейское чувство мѣры, заставлявшее оставаться созерцателемъ не-сравненно болѣе чѣмъ творцомъ. Нужно было стать близко къ Вл. А-чу, чтобы съ все растущимъ изумленіемъ, съ какимъ-то всегда раскрытымъ отъ удивленія ртомъ не отрываясь наблюдать его познания, учиться у этого человѣка: ничего наружнаго и показнаго, все спрятано и застегнуто. Но это все такъ велико, такъ превышаетъ обычныя рамки, примѣняемыя нами даже къ умамъ сильнымъ и воспитаннымъ, что заставляеть просто отказаться отъ сравненій. Во Вл. А-чѣ жила цѣлая академія наукъ и искусствъ. У насъ такое примѣчательное явленіе русской жизни прошло въ тѣни, невѣдомо и незнаемо. Это какъ-то больно, больно не за него, а за русское общество, но это вмѣстѣ съ тѣмъ радуеть и обнадеживаетъ, особенно въ такую эпоху, когда поверхность жизни залита банальностью, хам-ствомъ, предательствомъ, трусостью, низостью, безбожіемъ, Есть, есть въ тѣни, невѣдомые и неслышимые, эти праведники, эти махровыя орхидеи, которыя красотой своей искупають или какъ-то по иному осмысливають все безобразіе нашей жизни. Такъ вотъ и въ нашей Москвѣ, на улицѣ Арбатѣ, жилъ этотъ замѣчательный человѣкъ, цвѣла эта русская орхидея, и мы, друзья его, имѣли счастье любить его, знать, радоваться, поучаться. Дорогой другъ! Спасибо, несказанное спасибо тебѣ за все то, что ты далъ и сдѣлалъ, но прежде всего

и больше всего за то, что ты былъ, жилъ среди насъ, свидѣтельствуя собой о подлинной Россіи, какъ праведники Содома.

Я познакомился съ В. А. приблизительно 10 лѣтъ назадъ, около 1907-го года, когда самъ я былъ еще полонъ замысловъ спасенія міра „христіанской политикой“, накануне вступленія во 2-ую Г. Думу, въ номерѣ у М. А-ча Новоселова. Какой-то очень деликатный и вѣжливый господинъ, предупредительно соглашавшійся и, очевидно, какъ понялъ я потомъ, на всѣ пуговицы застегнутый, не оставилъ на меня сразу замѣтнаго впечатлѣнія. Однако сближеніе наше началось тогда же и скоро перешло въ ровную, спокойную, увѣренную дружбу, дружбу, которая по разницѣ лѣтъ имѣла характеръ съ моей стороны—почтенія младшаго къ старшему, соединенному съ удивленіемъ, а съ его—заботливой дружбы умудреннаго жизнью, спокойнаго и трезваго совѣтника къ зарывающемуся и нервничающему младшему собрату. Какъ была велика его безкорыстность, великодушіе, отеческая заботливость, вѣрность въ дружбѣ! По истинѣ счастливымъ и незаслуженно, благодарно счастливымъ почитаю себя, что встрѣтилъ на жизненномъ пути своемъ и эту дружбу, и эту любовь! Но онъ былъ таковъ не только къ друзьямъ: дѣлиться своимъ умственнымъ богатствомъ, отдавать изъ нихъ каждому нуждающемуся было для него стихіей, и при этомъ самому оставаться въ тѣни невѣдомымъ. Это былъ поистинѣ достойный другъ Н. Θ. Федорова, который заповѣдовалъ это дружеское братотвореніе, это безкорыстное отданіе своего духовнаго богатства.

И такъ явилъ себя Вл. А-чъ достойнымъ этой дружбы: не только втеченіе 25 лѣтъ при жизни Н. Θ. —, когда онъ записывалъ за нимъ его диктовку, но и послѣ смерти, когда воздвигъ ему памятникъ, вмѣстѣ съ Петерсономъ, изданіемъ его трудовъ—(подготовка къ печати послѣдняго третьяго тома сочиненій Федорова занимала его послѣдній предсмертный годъ). И въ своей книгѣ о немъ онъ сумѣлъ съ нимъ слиться и заслониться его тѣнію, такъ что по истинѣ не знаешь, гдѣ кончается одинъ и начинается другой, и это при отсутствіи единогласія. Онъ такъ приучилъ насъ къ этой своей любовной, внимательной заботѣ, что порой переставали мы и замѣчать ее, какъ воздухъ, какъ семейную атмосферу. И таковъ былъ онъ ко всѣмъ: къ роднымъ, къ близкимъ знакомымъ, „не ища своего,“ по слову апостола. Готовъ дѣлиться безконечными знаніями, драгоценной библиотеккой своей, опытомъ, всѣмъ, что только нужно. Въ безмѣрной скромности своей онъ стѣнялся того, чѣмъ могъ бы гордиться и чѣмъ мы гордимся за него: своей недипломированности, ибо онъ былъ самоучка. Объ этомъ узналъ я отъ него въ послѣднюю лишь бесѣду. Онъ былъ свободенъ не только отъ ученыхъ побрякушекъ, но и отъ этой затхлои атмосферы ученой завистливости, корысти, эгоизма, сореннованія, которыми она отравлена. „Сорадоваться дру-

тому", чужія утѣхи и достиженія принимать какъ свои—эта рѣдчайшая черта умственного благородства была ему въ высокой степени свойственна. И это такъ дивно сочеталось съ его православной вѣрой, въ которой старорусскіе, Фелоровскіе мотивы—братотворенія были особенно подчеркнуты.

Вѣра его, при всей полнотѣ и многосторонности его образованія, была непосредственная, дѣтская и прямая. Онъ не только познавалъ и мыслилъ о православіи, но онъ любилъ его и жилъ въ немъ, это была родная, неотъемлемая его стихія. Церковный строй, кругъ церковныхъ временъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и строемъ его жизни, бытомъ. Въ его отношеніи къ церкви не было [никакой надтреснутости и вымученности, оно было удивительно просто-иному могло показаться даже *черезчуръ* просто. „По мужицки, по дурацки“—было его любимое выраженіе. И это соединеніе непростоты ума и простоты сердца и вѣры создавало особый аромать его религіозной личности и ея крѣпость. Какъ онъ не разъ говаривалъ, онъ не зналъ въ своей жизни опредѣленно выраженного невѣрія или религіозныхъ сомнѣній: умственно онъ былъ всегда достаточно крѣпокъ, чтобы справиться съ соблазнами ума; сердечно же былъ слишкомъ здоровъ и простъ, чтобы отдаваться карамазовскимъ самоистязаніямъ. И въ этомъ у него есть что-то органически бытовое, родовое, стихійное, и постольку родственное, русскому славянофильству, не 19-го только, но и 16 еще вѣка. Можно находить, что эта вѣра была недостаточно индивидуальна, слишкомъ связана съ бытомъ. Однако это вѣрно лишь, если приравнивать болѣзненный индивидуализмъ самой индивидуальности, а изъяны и искаженія личности цѣнить больше чѣмъ ея здоровье; но это невѣрно въ болѣе общемъ смыслѣ, ибо, конечно, личная вѣра при такой сложности умственного типа во всякомъ случаѣ является актомъ личнаго творчества, износится изъ нѣдръ личности. Мнѣ приходилось много лѣтъ наблюдать эту, такъ сказать, идилию вѣры въ жизни Вл. А-ча, но я видѣлъ и огненное ея испытаніе и торжествующую ея побѣду. Объ этомъ можно уже говорить нынѣ, когда другъ нашъ „теченіе скончалъ, вѣру соблюлъ, подвигомъ добрымъ подвигся“, и „соблюдается ему вѣнецъ правды“. Однажды осенью 1916 года сообщилъ мнѣ (по телефону) Вл. А-чъ, что сегодня онъ прочелъ свой смертный приговоръ въ рентгеновскомъ снимкѣ, констатировавшемъ ракъ желудка. Онъ принялъ это съ благодарностью Богу, пошелъ въ церковь помолиться и теперь чувствовалъ себя предъ лицомъ Божиимъ, готовый принять Его святую волю. Порывъ вѣры, звучавшій въ его словахъ, былъ такъ величествененъ и твердъ (а я привыкъ знать В. А-ча скорѣе за слабовольнаго человѣка), что и я, при всей взволнованности своей, не могъ не умилиться и не заразиться этимъ порывомъ; я сказалъ ему,—вѣришь,—онъ далъ мнѣ своей вѣрой сказать, что ему явлена въ этомъ предвареніи особая

милость Божія. Я былъ потрясенъ этой новостью, умиленъ и обрадованъ его вѣрой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и подавленъ тяжестью этого приговора, которую надо вѣдь нести на себѣ въ остающіеся мучительные мѣсяцы умиранія: не свыше-ли силъ человѣческихъ, думалъ я, такое вѣдѣніе своего будущаго? Къ счастью, начались медицинскія сомнѣнія, которыя были здѣсь благодѣтельны, смягчая и притупляя порою остроту положенія. Однако можно сказать, что весь этотъ годъ, истаеая въ смертельной болѣзни, В. А-чъ смотрѣлъ въ свою открытую могилу и пребылъ твердъ въ вѣрѣ, исповѣдалъ ее до конца. Помню еще трагическую минуту изъ этого-же года: была получена неожиданная вѣсть о кончинѣ Ѳ. Д. Самарина, его друга, который всего недѣлю тому назадъ, сравнительно здоровый, его навѣщалъ. Мы отправились вмѣстѣ на первую панихиду. Вл. А-чъ выглядѣлъ живымъ мертвецомъ, слабость была такова, что онъ не могъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ до извозчика. И вотъ *такимъ* онъ пріѣхалъ къ праху своего отшедшаго друга: помню его мертвѣющую фигуру въ слезахъ молитвенно склоненую за панихидой, помню, какъ онъ говорилъ тамъ, что Ѳ. Д. совсѣмъ неожиданно опередилъ его, обреченнаго... Это была воистину трагедія сознательнаго умиранія, увы! самая повседневная и всеобщая, отъ которой никому не уйти, но здѣсь она была пережита въ подвигѣ вѣры, доблестно и достойно. А вотъ и послѣдняя наша „прощальная бесѣда“, которую онъ велъ со мною и еще двумя лицами наканунѣ своего выѣзда на дачу, *послѣдняя* бесѣда въ этомъ мірѣ, какъ зналъ онъ и какъ знали мы. Прощались съ неумершимъ и еще съ не умирающимъ какъ съ умирающимъ, прощались навсегда,—и мы, и онъ, глядѣвшій въ глаза своей смерти. Это былъ свѣтлый, радостный, умилительный, благоуханный апоэозъ его личности, драгоценный цвѣтокъ, который оставилъ онъ въ сердцахъ наши. У меня нѣтъ силъ и красокъ описать эту дивную бесѣду, но поистинѣ—Зосимовское вѣчто она въ себѣ имѣла. „Милые мои други“,—такими словами ласкалъ насъ ушедшій, цѣловалъ, обнималъ и говорилъ много, долго о себѣ, о своей жизни, и передъ изумленными глазами насъ, всетаки его знавшихъ, выступали невѣдомыя черты самоотверженнаго и скромнаго пути жизни. Все это такъ было просто и величественно, что у одного изъ присутствовавшихъ при выходѣ вырвалось: Господи, какіе на Руси есть люди! И это было общее наше чувство. Вотъ тогда-то онъ и признался, какъ бы въ грѣхѣ утаиванія, что онъ не имѣетъ никакого ученаго штампа, конечно по обстоятельствамъ своей жизни.

Передъ глазами моими прошелъ этотъ годъ его жизни и пронесенъ этотъ крестъ съ такой силой вѣры и смиренія, что теперь я съ изумленіемъ останавливаюсь: вѣдь это житіе! Можно-ли предъ лицомъ этихъ свидѣтельствъ говорить о стихійномъ, безличномъ, бытовомъ характерѣ вѣры! Но, въ то же время, это есть по-истинѣ народное и православ-

ное отношеніе къ смерти: аще живемъ, о Господѣ живемъ, и аще умираемъ о Господѣ умираемъ.

Такъ видимъ его мы, друзья его. Но если и отвлечься отъ этихъ личныхъ чувствъ то мы имѣемъ здѣсь дѣло съ явленіемъ исключительнымъ, которымъ могла бы гордиться и даже болѣе зрѣлая культура, нежели русская. На немъ лежитъ совершенно особая печать духовной подлинности и безкорыстія: онъ любилъ знаніе, мысль, красоту ради нихъ самихъ, въ нихъ находилъ онъ радованіе, не примѣшивалъ сюда личнаго самоутвержденія. Въ сущности не исключеніемъ, но общимъ правиломъ для исторіи культуры является то, что личное самоутвержденіе не только примѣшивается, но прямо проникаетъ ту или иную сферу дѣятельности и творчества: любятъ больше себя въ творествѣ, чѣмъ самое творчество или познаніе. Вотъ этой-то черты до поразительности мало было въ духовномъ обликѣ Вл. А-ча: онъ любилъ самое существо дѣла, но оставался спокойнымъ въ отношеніи къ своему здѣсь проявленію. Онъ работалъ не для себя, но для самаго предмета, любя послѣдній болѣе чѣмъ первый. Отсюда его изумительная скромность: цѣлая бібліотека его работъ, на которыя полагалъ онъ десятки лѣтъ неусыпнаго труда, которыя, навѣрно, полны научныхъ открытій (главное дѣло его научной жизни—была многотомная исторія ренессанса и реформаціи) оставались втуне, въ рукописяхъ, никому невѣдомыя, скрываемаыя даже отъ близкихъ. Здѣсь не одно благородство и возвышенность духа, здѣсь, можетъ быть, сказывается и слабо выраженное личное начало, извѣстное слабоволіе, робость, боязнь отвѣтственности и отвѣтственныхъ выступленій, словомъ, кабинетность и тепличность, ему, до извѣстной степени, свойственная. И та-же черта дѣлала его мало общественнымъ, пугливо сторонящимся отъ всякой широкой дороги. Быть можетъ, здѣсь сказывается и отсутствіе самобытнаго творчества, которое можетъ вѣдь соединяться, а въ данномъ случаѣ и дѣйствительно соединялось съ высокой культурностью души. Но эта кабинетность отнюдь не связана необходимо съ этой самоотверженной скромностью, напротивъ, она то чаще всего и даетъ злокачественныя и уродливыя настроенія, которыми насквозь отравлена наша профессиональная атмосфера. Я уже сказалъ, что знакомство съ Вл. А-чемъ возбуждало непрерывно растущее удивленіе къ универсальности его знаній, и притомъ не диллетантскихъ, но самыхъ доброкачественныхъ, основанныхъ на изученіи первоисточниковъ, а съ этимъ соединялось и удивленіе передъ этимъ безкорыстіемъ, передъ какой то его роскошью: столько знать обо всемъ и ничѣмъ себя не обнаружить! держаться въ тѣни и безвѣстности, когда круглые невѣжды по сравненію съ нимъ и диллетанты поднимаютъ столько шума. То была *келейность* духа, черта высокаго духовнаго аристократизма, но и тепличности.

Въ этой аристократической келейности культуры, которая замыка-

лась въ тѣсномъ дружескомъ кругу посвященныхъ, выражается славяно-фильская и даже старомосковская традиція: Вл. А-чъ былъ среди насъ какъ бы живымъ носителемъ этой утонченной культурности, насквозь пронизанной историческими завѣтами родной старины и вѣрностью родному православію. И, какъ у лучшихъ славянофиловъ, это соединялось въ немъ съ тонкой и проникновенной любовью къ западной культурѣ и глубокимъ ея знаніемъ. Этотъ славянофилъ, какъ и тѣ, въ культурномъ смыслѣ былъ европеецъ съ ногъ до головы, который смѣло могъ сказать о собѣ: *europeus sum et nihil euroraei a me alienum esse puto*. И въ то же время, вѣрнѣе, на основѣ того онъ былъ русскій всѣмъ своимъ существомъ. Если мѣрять поколѣніями, то В. А-чъ пожалуй былъ современникомъ людей 40—50-хъ годовъ во всякомъ случаѣ эпохи до Достоевскаго и Вл. Соловьева. И какъ трагична и непосильна для него была-бы ломка, происходящая теперь въ Россіи: отъ нея онъ былъ пощаженъ вмѣстѣ со своимъ другомъ Ѡ. Д. Самаринымъ И въ наше мучительное время можно сказать отъ души обоимъ: благо ушедшимъ!

Славянофиломъ былъ Вл. А-чъ и по своему общественному міросозерпанію, здѣсь наиболѣе плодотворное на него вліяніе было оказано его другомъ Н. Ѡ. Федоровымъ, но имъ онъ былъ, конечно, и до Федорова и помимо него, повинуваясь голосу своего естества. Онъ любилъ укладъ старорусской жизни и ея идеалы, былъ вѣренъ сердцемъ самодержавію (нѣсколько въ Федоровскомъ смыслѣ) до самаго послѣдняго времени, когда событія предреволюціонной эпохи надломили, а, быть можетъ, и убили въ немъ эту вѣру въ историческую его возможность. Но, похоронивъ дорогого покойника, не могъ онъ конечно, поклониться и новымъ богамъ. Съ такими воззрѣніями ему не было-бы мѣста въ общественной дѣятельности, гдѣ всегда царили совсѣмъ иныя настроенія. Вліяніе его въ духѣ политическаго консерватизма ограничивалось здѣсь частными кружками, впрочемъ иногда вліятельными наверху (какъ въ 1905 году). Во время моего знакомства съ Вл. А-чемъ и это было уже дѣломъ невозвратнаго прошлаго. Онъ отдавалъ себя только своимъ занятіямъ, семьѣ, дружбѣ, да религіознымъ кружкамъ, гдѣ выступалъ и какъ педагогъ и какъ мужъ совѣта.

Нужно бы много говорить о научныхъ трудахъ В. А-ча, но, къ сожалѣнію, самыхъ большихъ и важныхъ мы не знаемъ, а, быть можетъ, и не узнаемъ въ томъ видѣ, какъ они были задуманы. Разработка рукописей В. А-ча еще не начата. Напечатанная уже имъ книга „Философія вѣры и чувства“, этюды о христіанскомъ подвижничествѣ, многочисленные этюды объ искусствѣ, наконецъ, предсмертная его двухтомная книга о буддизмѣ, блестящая живостью изложенія и документальной ученостью, сами говорятъ за себя и составили бы честь любой научной литературѣ.

В. А-чъ не былъ писателемъ по натурѣ, у него не было потребности выявлять себя въ словѣ, этого зуда писательства; къ тому же онъ и не обладалъ литературнымъ дарованіемъ, отсутствіе котораго однако до извѣстной степени искупалось въ немъ воодушевленностью рѣчи. (Немногіе знаютъ, что онъ писалъ и стихи, и притомъ иногда огромныя поэмы, какъ та, въ которой онъ, по мысли Н. Θ. Федорова, излагалъ въ художественныхъ образахъ идеи этого послѣдняго). Не былъ онъ и мыслителемъ, мученикомъ проблемъ, хотя и умѣлъ съ ними обращаться и зналъ вкусъ въ проблематикѣ. Онъ былъ болѣе всего описательнымъ историкомъ, эстетически созерцающимъ былое. Не даромъ труды его больше всего относятся къ исторіи.

Однако все это, какъ оно ни исключительно по своей культурной красотѣ, по этой орхидейности, въ сущности относительно него не важно, ибо все онъ самъ „вмѣнилъ въ уметы“ ради истины Христовой вѣры, и ничѣмъ изъ этого не соблазнился волею и вѣдѣніемъ, чтобы сдѣлать для себя идола изъ науки, природы, искусства. А соблазнъ для него, который такъ умѣлъ знать, цѣнить и любить красоту этого міра, былъ, конечно, исключительно великъ. Онъ отдалъ свое сердце одной любви и одной вѣрѣ—во Христа Распятаго, и все остальное существовало для него лишь постольку, поскольку не становилось на его религіозномъ пути. Правда, онъ не умѣлъ, а быть можетъ, и не стремился достаточно все мірское постигать и любить во Христѣ Иисусѣ,—то, что было главнымъ духовнымъ мотивомъ А. М. Бухарева,—въ своемъ эстетическомъ натурализмѣ Вл. А-чъ умѣлъ оставаться довольно благодушно язычникомъ (конечно въ самомъ чистомъ смыслѣ этого слова) и спокойно вести, такъ сказать, двойную бухгалтерію. Однако никогда не происходило здѣсь смѣшенія счетовъ и тѣмъ болѣе явнаго предпочтенія земного небесному. Благодаря этой многокультурности своей В. А. понималъ всю нашу теперешнюю проблематику: вопросы о святости плоти, о религіозной культурѣ, о софійности и творчествѣ и под., но понималъ скорѣе культурно, извнѣ, больше сознаниемъ, чѣмъ существомъ. Но за-то онъ все понималъ и ничего не отвергалъ, въ немъ, столь насыщенномъ культурой, конечно, не могло явиться стремленія къ упрощенію или сознательному обѣднѣнію мысли. Напротивъ онъ ловилъ еле рождающуюся мысль собесѣдника, пѣстовалъ ее, вынашивалъ, любилъ, и такъ было поучительно и радостно съ нимъ бесѣдовать. Онъ былъ во истинѣ богатымъ юношей, которому было отъ чего отказываться, но онъ легко и непринужденно всю ношу своего богатства клалъ къ подножію Креста, и его богатство не уводило и не удаляло его отъ этого подножія, не надмевало и не затемняло духъ, но сочеталось съ простодушнымъ и величественнымъ смиреніемъ и вѣрой.

Прими-же земной поклонъ и безконечную благодарность за всю

твою любовь и дружбу, отошедшій другъ и братъ, и прости вины нашей холодности и небреженія передъ тобой. Да не прекратится связь наша и нынѣ, когда, по волѣ Всевышняго, отозванъ ты туда, гдѣ нѣтъ болѣзни, печали, воздыханій, но жизнь безконечная!

С. Булгаковъ.

Июль 1917 года.

